

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Экономический факультет

Факультет глобальных процессов

Центр по изучению проблем народонаселения

Материалы международной конференции
**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ:
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**
Седьмые Валентеевские чтения

*посвященной 90-летию со дня рождения профессора
Д.И. Валентя и 45-летию со дня основания
кафедры народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова*

15–17 ноября 2012 г., Москва, Россия

*при поддержке и участии Московского представительства
Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА),
Фонда поддержки детей, находящихся в трудной
жизненной ситуации, Фонда «Наследие Евразии»*

МОСКВА – 2012

EU FM. The main reasons for that are complex: political situation in CIS (lack of trust and low level of cooperation), emerging other forms of closer economic cooperation (EurAsEC, GUAM...) that can be more competitive and general lack of strong vision as of the future of CIS.

Conclusions

While in the EU the internal migration of EU nationals has been gradually and consequently re-coined as internal mobility and has been removed from the agenda of migration policy-makers, in the CIS internal mobility has been gradually re-coined as migration. The shift has had important consequences for conceptualisation of what a migrant is in both economic areas, what policies should be conceived to regulate the movements. The difference between mobility and migration has impact not only on individual level as civic or workers' rights, but it shapes the bigger picture: cohesion of societies, labour markets. While policies of "mobility" usually focus on bringing down the obstacles to movement, migration policies have been focusing on elevating them.

***Вишневский А.Г.,
Россия, г. Москва***

Глобальные демографические процессы в свете теории демографического перехода

Мировая демографическая ситуация уже давно определяется демографическим переходом, начавшимся в Европе в XIX в., но ставшим глобальным после того, как во второй половине XX в. он распространился на все развивающиеся страны.

Глобальные демографические изменения последних 50–60 лет свидетельствуют о том, что, несмотря на существенные региональные различия, эти изменения следуют основным предсказаниям теории демографического перехода. Все страны с той или иной скоростью проходят фазу снижения смертности, которая нарушает тысячелетнее равновесие высокой смертности и высокой рождаемости, а затем, стремясь к восстановлению нарушенного равновесия, вступают в фазу снижения рождаемости. Асинхронность этих двух фаз приводит к демографическому взрыву, который, по мере завершения перехода к новому равновесию, сходит на нет.

То, что в начале 1950-х годов могло казаться спорным прогнозом, в основном реализовалось. Ожидаемая продолжительность жизни во всех регионах мира, в том числе и самых отсталых, выросла и продолжает расти, и почти все страны ответили на снижение смертности снижением рождаемости, иногда очень значительным (рис. 1).

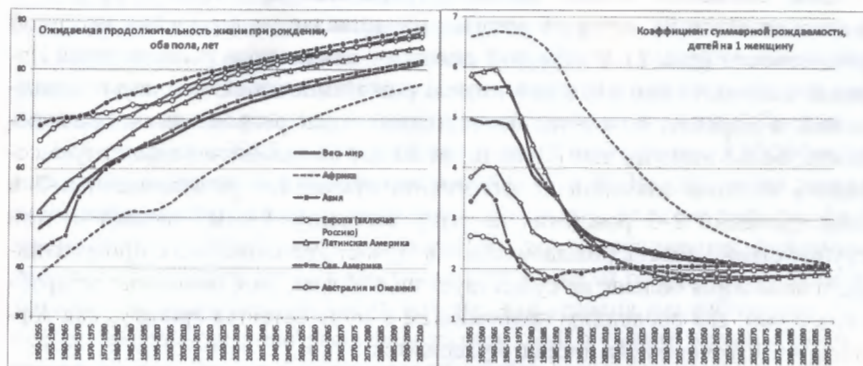

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и коэффициент суммарной рождаемости в разных регионах мира, 1950–2100 (2010–2100 – средний вариант прогноза ООН)

Источник: *World Population Prospects: The 2010 Revision.*

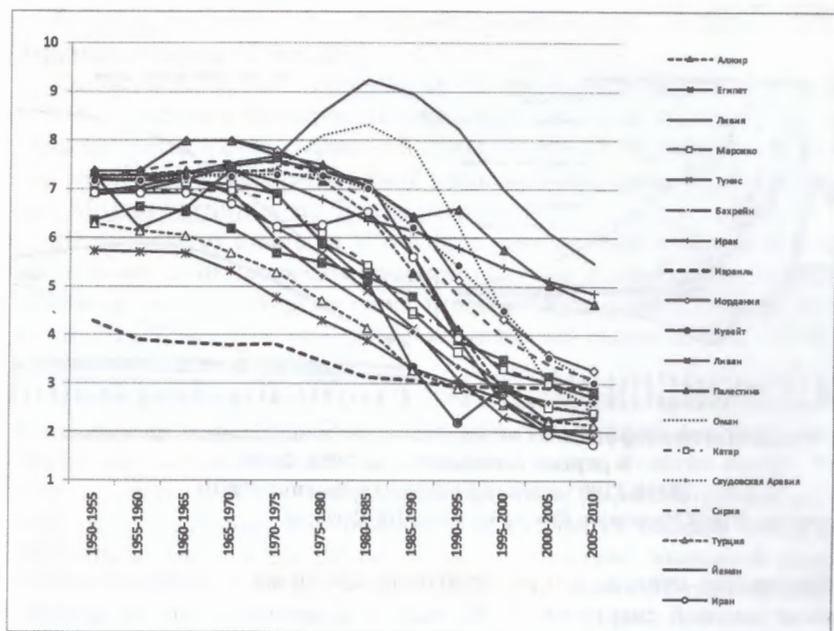

Рис. 2. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых арабских странах и странах Ближнего Востока

Источник: *World Population Prospects: The 2010 Revision.*

Это снижение можно проиллюстрировать характерным примером Ближнего Востока, который многим представляется цитаделью высокой рождаемости (рис. 2). В середине прошлого века в этом регионе лишь Израиль выделялся относительно низкой рождаемостью. С тех пор она снизилась в Израиле, но сейчас большинство стран региона имеют рождаемость, более низкую, чем Израиль. За 60 лет большинство стран переместилось из зоны значений коэффициента суммарной рождаемости 6–7 в зону значений 2–3 рождения на одну женщину. Самый низкий в этой группе стран уровень рождаемости – в Иране. Традиционного прокреативного поведения больше не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран, его последним прибежищем в мире остается тропическая Африка, но и там оно едва ли долго удержится.

В итоге уже сейчас нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже уровня простого замещения поколений не только в Европе и Северной Америке, но даже в Азии в целом, хотя, конечно, пока не во всех азиатских странах. Рост численности населения этого наиболее многолюдного континента (60% мирового населения в 2010 г.) замедляется и, согласно среднему варианту прогноза ООН, во второй половине XXI в. оно начнет сокращаться (рис. 3).

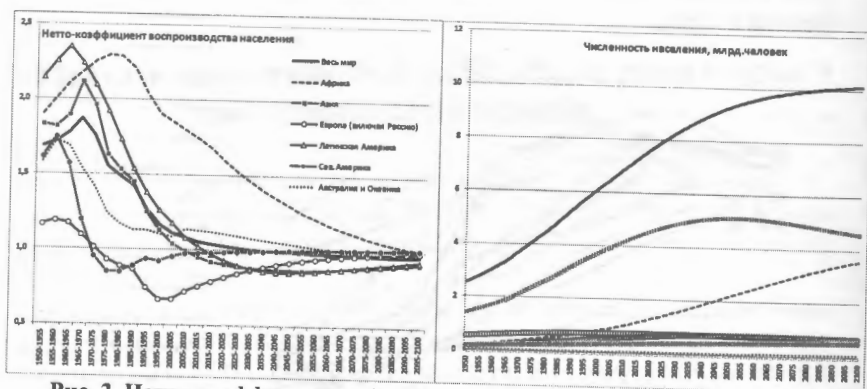

Рис. 3. Нетто-коэффициент воспроизводства и численность населения в разных регионах мира, 1950–2100

(2010–2100 – средний вариант прогноза ООН)

Источник: *World Population Prospects: The 2010 Revision*.

Разумеется, считать, что все проблемы, связанные с переходом от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости, уже решены на практике в глобальном масштабе, пока рано. Но теоретически здесь особых неясностей нет. Реализуясь всякий раз в иных конкретно-исторических условиях разных стран и потому имея свои особенности, переход во всех случаях

неотвратим и безальтернативен. Современная цивилизация – это цивилизация низкой смертности и низкой рождаемости, иного ей не дано.

Есть, однако, нерешенные вопросы, связанные с завершающими стадиями демографического перехода. Более того, мне кажется, что эти вопросы не только не решены, но даже и не поставлены должным образом.

Как отмечал в 2005 г. в своем выступлении на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению в Туре Ж. Валлен, «если теория демографического перехода позволила нам понять, если не принять, фазу чрезвычайного роста мирового населения, то дестабилизация фундаментальных параметров не оставляет камня на камне от радужного будущего, которое она нам обещала: очень похоже, что сегодня мы наблюдаем скорее не завершение демографического перехода, а смерть теории, которая его объясняла. Раз нет больше теории, значит, нет и ясного видения будущего, которое нас ожидает»⁸.

Я бы не стал столь поспешно хоронить теорию, дающую предельно ясное системное понимание многоплановых демографических изменений нашего времени и потому получившую весьма широкое признание научного сообщества. Мне кажется, что ее огромный объяснительный потенциал далеко не исчерпан.

О каком радужном будущем, обещанном теорией демографического перехода, говорит Ж. Валлен?

Согласно последнему прогнозу ООН, численность мирового населения в 2100 г. составит примерно 10 миллиардов человек, и этот прогноз отнюдь не противоречит теории – об этом говорит сам Ж. Валлен, признавая, что теория позволила понять фазу чрезвычайного роста мирового населения. Можно ли считать это будущее радужным?

Независимо от ответа на этот вопрос, вообще мало относящийся к области науки (если метеоролог предсказывает нам неприятное похолодание, самый ли это подходящий момент, чтобы объявить, что его теория никуда не годится?), остается еще более осмысленный вопрос о том, что будет дальше.

Некоторое время тому назад, в 2004 г., Отдел населения ООН опубликовал прогноз мирового населения до 2300 г.⁹, в котором рассматриваются три варианта динамики мирового населения на три столетия вперед. Разумеется, эксперты ООН – авторы этого прогноза, не рассматривали его как прогноз-предсказание, это лишь разумная попытка оценить возможные варианты изменений при разных исходных гипотезах изменений рождаемости и смертности. На рис. 4 представлены три варианта этого прогноза.

⁸ Речь г-на Жака Валлена, президента Международного союза по изучению населения, на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению. «Этнопанорама», 2005, № 3–4, с. 96–100. См. также Демоскоп Weekly № 237–238, 6–19 марта 2006 г. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit01.php>.

⁹ World population to 2300. UN, New York, 2004. ST/ESA/SER.A/236.

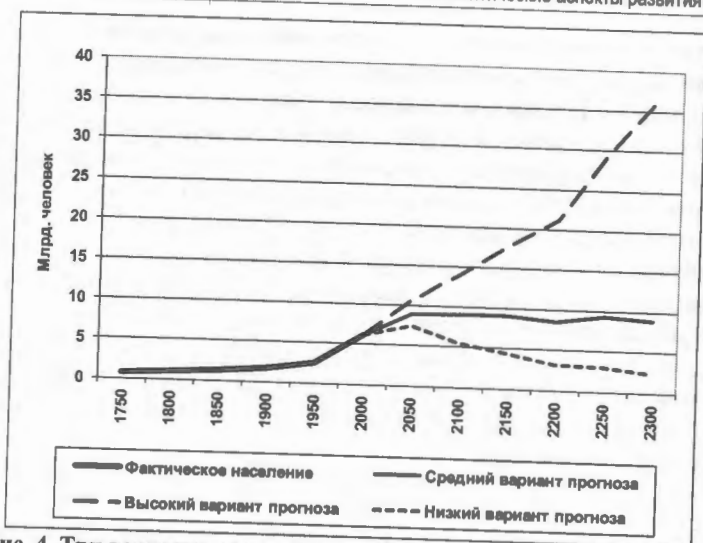

Рис. 4. Три варианта роста численности населения мира до 2300 г. по прогнозу ООН 2004 года

Источник: *World Population in 2300. UN Population Division, 2004 (ESA/P/WP.187)*.

Высокий вариант прогноза можно, пожалуй, не рассматривать как реалистичный, потому, что он противоречит уже наметившейся тенденции замедления роста мирового населения, но также и потому, что ресурсы жизнеобеспечения нашей планеты едва ли смогут выдержать антропогенные нагрузки, связанные с гигантским ростом населения Земли. Этот вариант противоречит, кстати, и основной идее теории демографического перехода – возврату к долговременному равновесию рождаемости и смертности, что предполагает стабилизацию численности населения, а не его непрерывный рост.

Казалось бы, это последнее соображение требует – по крайней мере, от защитника теории демографического перехода – признать несостоятельным и низкий вариант прогноза, ибо он тоже не предполагает установления равновесия. Однако здесь дело обстоит несколько иначе. Демографическое равновесие – это нечто большее, чем просто достижение нулевого прироста населения в некоторый момент времени. Я позволю себе процитировать определение, данное мною много лет назад: демографическое равновесие «можно определить как равновесие между процессами рождаемости и смертности, с одной стороны, и всеми остальными протекающими в обществе процессами – с другой, в условиях, заданных взаимодействием этих процессов»¹⁰.

¹⁰ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982, с. 15–16.

Если 10 миллиардов жителей Земли в 2100 г. – результат нарушения тысячелетнего равновесия и неконтролируемого демографического взрыва – не будут испытывать дискомфорта, вызванного перенаселением, то это и будет означать, что демографическое равновесие совпадает с равновесием рождаемости и смертности, и наиболее вероятным становится средний, «стабилизационный» вариант долговременного прогноза.

Если же жители нашей планеты будут получать частые сигналы о глобальном неблагополучии – это могут быть и стихийные бедствия, и климатические аномалии, и военно-политические напряжения, и просто нехватка ресурсов – земельных, водных, энергетических, продовольственных и т.п., – то даже если большинство людей и не будет осознавать связи этих сигналов с нарушением мирового демографического равновесия, стихийные поиски его продолжатся. В ответ на неблагоприятные внешние сигналы глобальная демографическая система в целом будет порождать сигналы обратной связи, которые воспрепятствуют стабилизации численности населения на достигнутом уровне (например, 10 миллиардов), и будут подталкивать к ее сокращению.

В чисто демографических терминах это означает, что рождаемость ниже уровня замещения поколений, которая в настоящее время характерна для Европы, Северной Америки, а с недавних пор, как отмечалось, и Азии (см. рис. 3, левая панель), должна установиться на довольно долгое время во всем мире, к чему дело, судя по всему, и идет. Но если это действительно так, то нынешняя «очень низкая» европейская рождаемость – вовсе не показатель какого-то невероятного кризиса, нежизнеспособности европейских обществ, а напротив, свидетельство их высокой адаптивности и способности вырабатывать технологии, а самое главное, социокультурные механизмы, которые затем оказываются востребованными во всем мире, даже если он продолжает считать себя традиционным и антизападным.

С моей точки зрения, длительное существование на поздних этапах перехода рождаемости ниже уровня замещения поколений вовсе не противоречит теории, которую все-таки нельзя сводить к одной плоской фразе о смене одного типа равновесия другим, как будто речь идет о весах, на которых взвешивают картошку.

Мне кажется, что нужно переосмыслить и понятие равновесия, и представление о границах системы, в пределах которой вообще можно говорить об этом равновесии (может ли это быть отдельная страна? едва ли), и временные горизонты, достаточные для того, чтобы судить о его отсутствии или наличии, и т.д. Теория демографического перехода позволяет это сделать, и это должно быть сделано. Участвовавшие нападки на теорию не кажутся мне убедительными, но, видимо, какая-то часть вины есть и на стороне самой теории демографического перехода, она, несомненно, нуж-

дается в серьезном развитии, в раскрытии своего объяснительного и прогностического потенциала.

Теория должна быть не отвергнута, а переосмыслена. Едва ли углублению понимания перехода способствует его «дробление» на несколько переходов – эпидемиологический переход, «второй» и «третий» демографические переходы и т.п. Во всех этих случаях речь идет, по сути, о составных частях единого перехода, имеющего единую и очень глубокую природу, понимание которой позволяет осознать, что демографические изменения не только взаимосвязаны, но и первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них, как часто думают.

Рождаемость снижается во всем мире не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства или отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным, благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека затраты гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде.

К этим изменениям привлекает внимание концепция «второго демографического перехода», и имеется множество попыток понять его детерминанты, исходя из экономических, социальных или культурных соображений, связать его с падением нравов, секуляризацией и ослаблением влияния религии, изменением экономической полезности детей, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей», и т.д. Все эти попытки сводятся к тому, чтобы объяснить, почему теперь люди трассируют свои индивидуальные жизненные траектории не так, как прежде. Но нужны ли такие объяснения, если из основного постулата теории демографического перехода о смене типа демографического равновесия естественным образом следует, что прежние жесткие социальные требования к таким траекториям утрачивают смысл, и мир должен теперь жить по каким-то иным правилам, которые, в лучшем случае, находятся в стадии становления?

То же относится и к концепции «третьего демографического перехода», которая делает акцент на последствиях глобальных миграций для принимающих стран, но не рассматривает сами эти миграции как неотвратимую фазу единого глобального демографического перехода.

По большому счету, увидеть многие, если не все, глобальные процессы в свете теории демографического перехода еще только предстоит. Это не-

обходимо государственным и религиозным деятелям, политикам и журналистам, всему мировому сообществу. Но сначала свою часть работы должны выполнить демографы, а они пока справились с этой задачей далеко не в полной мере.

*Абрамова И.О.,
Россия, г. Москва*

Народонаселение Африки в новой экономической модели мира

Предпосылки и цели исследования: на основе теоретического обобщения итогов полевых исследований, проведенных автором в ряде африканских и европейских государств в 1999–2012 гг., а также данных национальной африканской и международной статистики показать воздействие демографических изменений в мире в целом и на Африканском континенте в частности на трансформацию мировой экономической модели

Статистическая основа и методология исследования: исследование базируется на данных национальной статистики африканских государств, включая переписи населения, ежегодные статистические обзоры и выборочные обследования, а также на материалах международных организаций (ООН, Всемирный банк, МОТ, ВОЗ, ФАО, ЮНЕСКО, Международной организации по миграции и др.). Диалектика, конкретно-исторический подход, системность и междисциплинарность исследования, следование от частного к общему, анализ, синтез, межстрановые и межотраслевые сопоставления, кросс-проверки, моделирование процессов и их прогнозирование вошли в состав научного инструментария и методологической основы данного исследования.

Основные научные результаты

1. Развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось тектоническими подвижками в соотношении сил ведущих экономических центров силы. Многочисленные исследователи глобальных процессов почти безоговорочно согласны в том, что происходящие процессы означают смену эпох и назревающую смену *модели мирового экономического развития (ММЭР)*, под которой мы понимаем устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, обменом, распределением и потреблением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития. Смена экономических моде-